

ЗАВЕЩАНИЕ НАГИБА МАХФУЗА

В.Н. КИРПИЧЕНКО

Доктор филологических наук
Институт востоковедения РАН

Ключевые слова: современная египетская художественная литература, Нагиб Махфуз, «Сны периода исцеления», «Отголоски автобиографии», сюрреализм, суфизм

Публикация книги «Отголоски автобиографии»^{*} непосредственно предваряет собой написание «Снов периода исцеления», однако горький опыт разделяющего их десятилетия и осознание близящегося конца изменили настроение писателя. Перебирая свои воспоминания, Нагиб Махфуз вглядывается не только в свой внутренний мир, но и, с особой пристальностью, - в мир внешний, в котором он прожил долгую жизнь и с которым так не хочется расставаться. Он часто возвращается к одним и тем же мотивам, находя для них все новые слова, новые образы и уподобляясь в этом средневековому арабскому поэту, который добивался более совершенного воплощения традиционного мотива (*ма'на*), подбирая наилучшие выражения (*алфаз*).

В «Снах...» можно даже выделить отдельные циклы повторяющихся мотивов, хотя они не сгруппированы в одном месте, а разбросаны по всему тексту. В первом же «сне» возникает мотив быстротечности времени и голода, который невозможно утолить, невозможности насытиться жизнью.

Эти мотивы повторяются неоднократно: то в образе катера, несущегося по Нилу (прогулки вдоль любимой реки были излюбленным отдыхом Махфуза), у руля которого только что стояла прекрасная девушка, а вот уже ее сменил старый хмурый матрос (18)**, то бокала, наполненного «сладким напитком», пить который уже не позволяет здоровье (92), то сверкающего огнями ювелирного магазина, где молодую прекрасную продавщицу сменяет спустя краткий миг женщина в годах (128).

Смерть является сновидцу в образе то «медсестры», по неизвестной причине ненавидящей пациента и желающей видеть его «бездыханным» (16), то в образе «чиновника», регулярно забирающего «лишних» жильцов из перенаселенных квартир и

Нагиб Махфуз

увозящего их, не спросив их согласия, в «подходящее» место (143).

Подобные сны вселяют в «сновидца» печаль и страх. Мотивы же их - краткость человеческой жизни с ее радостями и наслаждениями, неотвратимость смерти - традиционны не только для средневекового арабского поэтического жанра «*зухдиййат*» («аскетические» или «благочестивые» стихи), но и для всей мировой поэзии.

Дорогие сердцу воспоминания юности часто связаны с кварталом ал-Аббасийа и со «старым домом», в котором Махфуз прожил с двенадцати лет до женитьбы в сорок два года. Сюда он возвращается в сновидениях навестить родных (а дом пуст и лестница наверх сломана) (70), бродит по улицам и встречается с давно умершими друзьями, потому что «смерть не может разлучить любящих», они живы, пока жива память о них (104). «Старый дом» и старый квартал, это и весь старый Каир - прежний уклад жизни и прежние понятия о нравственном и безнравственном, об отношениях мужчины и женщины (54), сохранившееся со школьных лет на всю жизнь преклонение перед «лидером нации», основателем партии *Вафд* Саадом Заглулом (73) и детская любовь (99). Но «старый квартал» одряхлел, обветшал, в нем царят теперь нравы «черного рынка»

Окончание. Начало см.: Азия и Африка сегодня, 2012, № 10.

^{*} «Отголоски автобиографии» («*Асда ас-сира аз-затиййа*», 1995).

^{**} Отдельные сюжеты - «сны» - в книге «Сны периода исцеления» имеют свой порядковый номер.

(33), а «старый дом» невозможно отремонтировать, он непригоден для «современной жизни» (141).

Среди мотивов снов о дне сегодняшнем можно выделить наряду с «ихваниййат» (послания друзьям) циклы, появившиеся в арабской поэзии уже в новое время, в диванах поэтов-неоклассиков: «идж-тима'иййат» (стихи на общественные темы) и «сийасиййат» (политические стихи). Мотивы очень разнообразны, но в большинстве своем тревожны и неприятны.

Жизнь вообще представляется сновидцу цирком - на всех улицах канаты, трапеции, клетки, животные, паяцы. Когда-то ему все это нравилось, но теперь он бежит от этого цирка, но даже дома, где он надеялся укрыться от паяцев, его поджидает паяц (5). «Сновидца» грабят в собственном доме (17), молодые парни раздевают женщину прямо на улице, на глазах у прохожих, и сновидец испытывает чувства беспомощности и стыда за себя и за людей, не оказывающих сопротивления насильникам (21).

Беспомощен он и перед шулерами в игорном доме (28) и даже перед «прелестными детьми», братом и сестрой, которые тоже оказываются мошенниками (40). Взрослых воров, напавших на него с ножами, сновидец встречает вскоре едущими в роскошной автомашине, замыкающей длинный официальный кортеж (94). Вором оказывается и известный бизнесмен, рекомендацию к которому дает сновидцу старый друг, ставший министром внутренних дел (44). Судья и подсудимые «лидеры» сговариваются между собой, а приговор выносят сновидцу, случайно оказавшемуся в зале суда (100).

Грабители во главе с вожаком шайки, только что лишившие сновидца диплома об образовании, часов и кошелька, при появлении полиции преображаются в молящихся и имама (42). В этом «преображении» улавливается намек на взаимоотношения Махфуза с официальными религиозными властями, еще в 1959 г. наложившими запрет на отдельное издание романа «Сыны нашей улицы»¹. Подобное же «преображение» (вроде превращения доктора Джекила в мистера Хайда) происходит и с шейхом, т.е. главным представителем власти на «нашей улице», который временами оборачивается монстром (59).

На званом обеде литературная «элита» восторгается благоустройством «туристической деревни Кристофер» (название «деревни» - явная аллюзия на имя Христофора Колумба и на «открытие» Америки египтянами), а «старомодный» сновидец в одиночестве обгладывает баранью кость, преподнесенную ему известным комическим актером 1930-х гг., насмешником Шикоко (61). «Старомоден» он и в своих вкусах: в магазине сладостей удивляется тому, что он все еще любит «пахлаву и кунафу», а уличные мальчишки насмеются над ним (47).

Положение в современной египетской культуре иронически обыгрывается в напоминающих анекдоты «снах» о создании компании по реализации художественных проектов (49), об открытии частного «института культуры» (93):

«На плоской крыше соседнего дома я увидел аккуратно расставленную красивую мебель и спросил, что это значит. Мне сказали, что владелец дома ус-

троил в нем бесплатный институт культуры, а сам перебрался жить на крышу. Я удивился его благородству и решил поприсутствовать на одном из занятий. Народу набилось битком. Лектор объявил, что сегодня речь пойдет о быке, который держит на своем роге землю. Слова его меня поразили, я не удержался от смеха. Все обернулись ко мне, на меня устремились гневные взоры. А лектор нахмурился и молча указал мне на дверь».*

О пошиве модного костюма у портного (95):

«Было получено согласие на поездку. Родные восприняли известие с радостью и поспешили снабдить меня деньгами. Я тотчас же пошел к портному и заказал костюм по последней моде. Портной постарался на славу, сшил прекрасный костюм. Но не ограничился этим, принес роскошную чалму, водрузил ее мне на голову и сказал: «Вот теперь будет костюм по последней моде!».

«Сны» о выигрыше виллы в лотерею (36) и о возвращении домой сына, ставшего «звездой» (101), похоже, отображают реакцию части общественных и литературных кругов на получение писателем Нобелевской премии, и эта реакция отлична от «несказанной радости», о которой говорилось в «Отголосках автобиографии». О том, как «аукнулась» ему премия, явствует из сна о «госпоже и лауреате ее премии»: «госпожа» достает из-за корсажа пистолет и направляет его на лауреата (81).

Размолвки с молодыми друзьями-литераторами (такие размолвки случались из-за их несогласия с позицией учителя в арабо-израильском конфликте, с его отношением к президенту Насеру), а также нравы литературной среды служат мотивами «снов» 29, 48, 89, 107.

Собственные слабость, нерешительность, бездействие часто рождают в сновидце чувство стыда и страха, желание уединиться, отгородиться от всех. Хотя порой ему и хотелось бы взять палку и бить ею по этой «куче мусора» (76). Но чаще он сдерживает себя, предпочитает «ждать» и не терять «надежды» (31), ибо проявления «гнева» оказываются губительными для самого «гневающегося» и для его окружения (3, 127).

Порядочного человека не найдешь днем с огнем, некому поручить даже благоустройство доставшегося в наследство земельного участка (читай, страны), но и тут сновидец надеется, что такой человек найдется, если долго и упорно его искать (142). Порядочные люди, являющиеся в снах, - школьный учитель арабского языка и религии шейх Мухаррам (6), университетский профессор шейх Мустафа Абд ар-Разик (123), доктор Хусейн Фавзи (86) - все принадлежат к поколению учителей Нагиба Махфуза.

Все же, сравнивая прошлую «сонную» жизнь в глухом лесу с ее традиционными песнями-маввалями и жизнь нынешнюю с ее грохотом и безумными ритмами, он отдает предпочтение последней - «По крайней мере, спавшие проснулись, а дремавшие устыдились» (131).

* Здесь и далее перевод с арабского В.Н.Кирпиченко по: Нагиб Махфуз. Сны периода исцеления («Ахлам фатрат ан-накаха», 2005).

Немало снов (22, 52, 62, 72, 82, 113) посвящено среде чиновничества, в которой Махфуз прослужил долгие годы. Чиновничество, бюрократия вечны (менталитет египетского чиновника он описал в романе «Уважаемый господин»²). В стране меняются режимы, совершаются революции и перевороты, но чиновники остаются всегда и всегда спешат поздравить новую власть (106, 126).

Не обходится в «снах» и без злободневных политических мотивов. Отношение сновидца к политическим событиям и к современной обстановке раскрывается в причудливых, но по большей части подпадающих расшифровке картинах. Он сочувствует «исчезнувшему» за ведущей в тупик дверь лидеру (Садату), хотя и признает избранный им курс «ошибочным» (4). Недовольство большинства египтян экономическим и политическим курсом президента Садата Махфуз описал в романе «День убийства вождя» (1985). Египет же видится Махфузу в образе матери, «пожираемой» собственными детьми (11), а также в образе катера, мчащегося по озеру от одного берега к другому (45):

«Мой катер мчится по озеру. А другой катер преследует меня, или мне кажется, что преследует. Я увеличиваю скорость, второй катер также прибавляет ходу. Меня охватывает тревога. Чего ему от меня надо?»

Приближаюсь к пристани, бросаю якорь, поднимаюсь по трапу на широкий настил и узнаю, что пристань принадлежит российскому посольству. Здесь множество людей, пришедших выразить свои соболезнования в связи с кончиной дорогой умершей.

Здороваясь с послом и сажусь послушать, что говорят о покойной. Смотрю на озеро и не вижу на нем никакого следа второго катера. Успокаиваюсь.

Выбрав удобный момент, встаю, возвращаюсь на свой катер и отплываю в направлении другого берега. Оборачиваюсь и вижу несущийся следом незнакомый катер. Я уже на середине озера и решаю, что лучше не возвращаться в посольство, а плыть дальше, к берегу. Там, на берегу ситуация станет ясной и предстоит напрячь все силы».

Участок земли, огороженный стеной, из-за которой время от времени выезжает на городскую улицу кортеж автомашин (63), иллюстрирует, как можно понять, отношения власти и народа. В средние века в Каире так же выезжал из ворот цитадели пышный кортеж султана. Похороны неизвестного «праведника Аллаха» и споры хоронящих о том, в какую сторону его нести - прозрачная аллегория деятельности современных политиков, по-разному толкующих «заветы» ушедшего лидера (78).

О «лучшем завтра», надежда на которое высказывалась Махфузом в трилогии «Бейн ал-Касрейн» и в «Сынах нашей улицы», в «Снах...» не упоминается ни словом. Все светлое и хорошее оказывается в прошлом, ушедшем вместе со «старыми друзьями», являющимися только в сновидениях.

Героиня же большинства «снов» - женщина, предстающая в различных образах - сослуживицы, подруги, случайной встречной, проститутки, «вечной возлюбленной», но всегда манящая и влекущая. Потеряв подругу по собственной вине - побегал в

супермаркет, отлучился на минуту купить сигареты, - сновидец кидается за ней вдогонку, разыскивает ее всю жизнь (2, 132). Ему слышатся голоса подруг юности, напоминающие о несостоявшихся и уже невозможных свиданиях (130). За женщиной, стоит ей лишь подать знак, он готов следовать, забывая все свои дела и прежние намерения (7, 79, 172), рискуя своим добрым именем (50). В этом сновидец признается с очевидной самоиронией. Однако связать себя узами брака он чаще всего не может либо по материальным причинам (15, 19), либо стоя перед выбором - любовь или призвание, и выбирает призвание, хотя и знает, что платой за отказ от любви станет одиночество (25).

Иногда женщина-подруга и спутница, «погружаясь в беседу», с которой сновидец «забывает все на свете», олицетворяет «музу» писателя. Но общение с ней небезопасно: то вдруг возникает угроза взрыва «заложенной где-то на склоне холма бомбы» (69), то, когда сновидец готов заключить подругу в объятия, «шум драки на улице приближается к дому» (96). Но он продолжает думать о ней, даже когда ему грозит расстрел без суда (51).

Известный египетский новеллист Мухаммад ал-Махзанги подсчитал, что в махфузовых «снах» женщина появляется более шестидесяти раз, в т.ч. неоднократно - в образе матери, но ни разу не возникает образ отца³. Образ отца, действительно, занимал центральное место во многих романах (написанных до 1970 г.), олицетворяя собой силу и власть патриархального мира, а в некоторых даже выступая в качестве аллегории Творца. По мысли ал-Махзанги, предпочтение, отдаваемое в «Снах...» образу женщины-матери, традиционно символизирующему плодородие, любовь ко всем своим детям и осуждение раздоров между ними, свидетельствует о том, что Нагиб Махфуз «самый цивилизованный из всех египтян»⁴.

Особое место в снах принадлежит образу «вечной возлюбленной». Сны о ней - это постоянные колебания между надеждой на встречу и сомнениями в том, что встреча состоится. Он жаждет свидеться с ней хоть раз во сне, чтобы «убедиться, что она существовала во плоти, а не была одним из плодов моего юношеского воображения». А когда возлюбленная является, убеждается, что она лишь призрак - плоть ее рассыпалась, превратилась в ничто (14). Но возлюбленная остается для него «сияющей звездой» в темном ночном небе (83). Он вспоминает о ней, бродя по старому кварталу, где не осталось ни следа от дворца, в котором она когда-то жила, на его месте возносится прекрасная мечеть. Он долго молится в мечети, а выходя из нее, обнаруживает пропажу своей обуви и не знает, что же ему делать дальше (84). Существует древняя арабская поговорка «вернуться в обуви Хунайна», т.е. босиком, означающая «остаться ни с чем». Не эту ли поговорку имел в виду сновидец? Тем не менее, он снова и снова возвращается на старую трамвайную остановку и бродит по ней, бросая украдкой взгляды на освещенные луной пустые окна дома, пока однажды из одного окна не доносится до него разговор двух девушек:

«...Один голос спрашивает:

- Что это за мужчина стоит под окном?

Другой со смехом отвечает:

- Он плачет, вспоминая о любимой и ее жилище» (85)*.

Эта сцена приводит на память услышанный князем Андреем ночной разговор Наташи и Сони у окна в «Войне и мире», любимом романе Нагиба Махфуза. А при следующем посещении трамвайной остановки сновидец не находит там даже следа рельс (121). Он то и дело переходит от отчаяния к надежде. Вот «владычица сердца» видится ему в саду, за железной оградой, она «раздает шоколадки влюбленным», но она недостижима (98). Когда же он сам прибывает на место, где должен был находиться «прекраснейший сад во вселенной», который, как он надеялся, соединил бы его с любимой, как в юности соединял их квартал, где они оба жили, то узнает, что работы по устройству сада еще и не начинались (108). И все же лицо возлюбленной сияет перед ним во мраке прошлого, и он обращается к ней с «последним», полным любви, но выдающим в авторе, как «замечает» возлюбленная «по его почерку», «болезнь страха перед жизнью, а особенно перед любовью и женитьбой» (144).

Последняя фраза в этом «сне»: *«Поскольку я был поражен тем же недугом, я раздумал идти к тебе и предпочел спастись бегством»*, сформулирована нарочито двусмысленно. Кому она принадлежит - сновидцу-автору послания или Махфузу - автору книги? И не хочет ли он этим сказать, что ради жизни и творчества готов пожертвовать даже встречей с «вечной возлюбленной»?

Два заключительных «сна» прочитываются как завет писателя своим соотечественникам. «Золотой шар», полученный им «в дар на торжестве», не только Нобелевская премия в ее денежном эквиваленте (Махфуз отдал большую часть премии на благотворительные цели), но, прежде всего, награда за творчество, за созданный писателем огромный, живой и цельный художественный мир, который нельзя поделить, нельзя «пилить пилой» (145).

О своей гордости национальной культурой, именно новой, современной культурой Египта, неотъемлемую часть которой составляет его творчество, Махфуз прямо заявляет в последнем, 146-м «сне»:

*«Враг одержал победу и поставил условием прекращения огня передачу ему золотого памятника ан-Нахды**, хранимого в сокровищнице истории. Я пошел вместе с другими за ключом от сокровищницы, хранимом в прочном сундуке. Подняв крышку сундука, мы увидели в нем страшную змею, грозящую смертью всякому, кто к ней приблизится. Все разбежались, а я, скрывая свою радость, стал призывать благословение на змею, желая ей надежно и успешно охранять ключ».*

Он завещает потомкам хранить сокровищницу

культуры от любых посягательств со стороны «врага» и дважды использует в тексте слово «хранимый» (*махфуз*), как бы скрепляя завещание своей подписью.

Мозаика лапидарных разрозненных текстов складывается в панораму современной египетской действительности, такой, как видит ее автор-художник, и передает его экзистенциальные размышления и сомнения.

* * *

Разумеется, предлагаемые выше толкования некоторых «снов» не единственно возможные. Разночтения неизбежны в силу многозначности аллегорий, аллюзий и даже отдельных слов, в одних случаях, и по причине связанности «снов» с какими-то конкретными обстоятельствами жизни писателя или не угаданными литературными источниками, в других.

Определенно можно утверждать лишь, что в «Снах периода исцеления» Махфуз в предельно сжатой форме повторяет многое из того, о чем уже подробно, прямо или прибегая к различным формам иносказания, писал в романах. При этом оценки людей, явлений, событий истории не меняются, из чего можно заключить, что форма «снов» понадобилась автору не для того, чтобы высказать какие-то ранее утаиваемые им мысли, а, напротив, чтобы подтвердить верность своим нравственным идеалам и неизменность диктуемой этими идеалами позиции.

Вместе с тем, в разговоре с ближайшими друзьями, которые, уже после опубликования книги, до тошноты допытывались у него, что же все-таки представляют собой его «сны», он сказал: «Наши сны очень странные, приходят отовсюду, из прошлого и из настоящего. Часто кажется, что сон вроде бы ничего не говорит, но если подумать, то находишь в нем что-то»⁵. Поэтому нельзя исключить, что Махфуз не раз усмехнулся про себя, создавая мир своих «сновидений» и задавая непростую задачу будущим читателям и критикам, пожелавшим их прокомментировать. Юмористические, иронические, в т.ч. и по отношению к самому себе, даже сатирические интонации присутствуют во многих «снах».

Взгляд художника, объемлющий все стороны жизни отечества, ясен и трезв, и созданная им картина при всей ее метафоричности остается в целом реалистичной, «подлинной» картиной действительности. Разум сохраняет свою дееспособность, даже когда «сновидец» находится в состоянии аффекта или панического страха. Несмотря на сюжетные «сломы», сдвиги во времени, внезапные смены мест действия, перемещения сновидца в пространстве, прыжки с башни, полеты в воздухе и прочие «деформации» реальности, «Сны периода исцеления» - это все же не сюрреалистические «грезы» и не порождение «бессознательного». И пытаясь понять последнюю книгу писателя, нельзя не учитывать всего контекста творчества Махфуза, хотя и пользовавшегося иногда приемами абсурдистского письма (отображая события и явления, которые он отказывался признавать постижимыми разумом, претившие его нравственному чувству), но всегда решив-

* Традиционный зачин доисламской касиды.

** *Ан-Нахда* (ар., пробуждение, подъем) - период становления арабского национального самосознания и новой и современной литературы (XIX-XX вв.).

тельно отвергавшего идею бессмысленности человеческого бытия - с этой точки зрения, он принципиальный оппонент сюрреализма. Художественные деформации реальности в его книге отражают, скорее всего, непримиримый конфликт между действительностью и мечтой.

Что касается суфийского подтекста, увиденного в «Снах...» близким другом и учеником писателя, исследователем его творчества, Заки Салимом, обратимся к приводимым им конкретным примерам. З.Салим полагает, что школьный учитель арабского языка и религии шейх Мухаррам, являющийся в «Сне 6», чтобы внести исправления в некогда преподанные им своим ученикам уроки, поступает в соответствии «с суфийской доктриной, согласно которой суфий опирается на интуитивное знание, почерпнутое им из своего духовного и личного опыта. Он не удовлетворяется теми знаниями, которые передаются поколению за поколением учеников неизменными. Один суфий сказал: «Вы перенимаете веру свою мертвый от мертвого, а мы черпаем свою веру от живого, который не умирает». Это называется *силм ал-футух* («наука откровений»), ибо Аллах открывает сердца своих святых для понимания некоторых тайн его высказываний и причин его повелений»⁶.

Тем не менее, признание и исправление человеком своих ошибок является нормой современной общечеловеческой этики, и увязывать его в данном случае с суфизмом можно лишь, полагая, что Махфуз имеет в виду осознание ошибок путем интуитивного познания или откровения, тогда как в вопросе о познании действительности Махфуз - рационалист. В «Сне 27» учитель математики, с помощью палки удерживающий сновидца от прыжка за борт вслед за «вечной возлюбленной», явно олицетворяет разум - единственную опору перед лицом «обезумевшего» (но не в абсурдистском значении) мира.

Заки Салим усматривает суфийский подтекст в «Сне 34», где встреченные на улице после долгой разлуки «старые друзья» обещают сновидцу взять его с собой «в прекрасное место», где он будет вознагражден сторицей за ту почти «нищенскую» жизнь, которую он вел многие годы. Друзья отводят сновидца к «влиятельному человеку», который предупреждает его, что «хиджра требует больших усилий и долгого терпения», и предлагает встретиться «на заре возле соборной мечети». З.Салим предлагает следующий комментарий: «Что значит здесь хиджра? Перемещение из одного места в другое или избавление от прегрешений, проступков и страстей? Музыканту сказано, что хиджра требует больших усилий и долгого терпения. Именно этого требует долгий путь суфия, ведущий к высвобождению из плена узкого материалистического взгляда и к выходу на простор божественного милосердия»⁷.

Со старыми (давно покойными) друзьями сновидец встречается во многих снах, он готовится последовать за ними. Ясно, что «хиджра» в данном контексте означает переход в «мир иной», в существовании которого Махфуз испытывает серьезные сомнения. Назначенное же место встречи - у собор-

ной мечети, места совершения пятничной коллективной молитвы, - свидетельствует, что Махфуз все же не утратил до конца надежду на встречу со «старыми друзьями». Но суфизм ли это?

Наконец, освобождение героя «Сна 36» от собственности (виллы) и от должности З.Салим толкует как первый шаг суфия к тому состоянию, когда «он ничем не владеет и им не владеет ничто». Но «это не означает ухода от жизни и отказа от великого джихада»⁸ - рука делает и находит, а сердце успокаивается и уповает (на Аллаха)»⁹.

Заметим, однако, что герой «Сна 36» руководствуется менее возвышенными мотивами. Он и хотел бы владеть виллой, но оказывается обманутым и обокраденным, добивается должности, но не получает ее. Он, как «старый дом в ал-Аббасийе», не приспособлен к «современной» жизни.

Все же Заки Салим не без оснований находит в «Снах» немало ситуаций, выражений и слов, могущих быть истолкованными если не в суфийском, то в метафизическом смысле. Тексты некоторых «Снов» могут быть прочитаны на разных уровнях в зависимости от того, как толковать их ключевые выражения.

Независимо от личной веры Махфуза, «суфийский» стиль и образы нередко служат ему и в качестве средства художественного изображения, и для выражения своего понимания смысла бытия и нравственного оправдания человеческой жизни.

Нагиб Махфуз высказал в своих «сновидениях» все, что он думал в последние дни пребывания на земле о жизни и смерти, о своей стране и соотечественниках. Он мог бы завершить книгу словом *dixi* (лат.) - я сказал, сказал все, что хотел и мог сказать. Но сказанное убеждает, что он так и не сумел «исцелиться» от земных забот и страстей, от жадного интереса ко всему происходящему в мире, от любви к жизни.

¹ Роман был опубликован в Египте лишь в 2006 г., причем сам Махфуз, когда с ним велись переговоры об издании, выдвигал в качестве обязательных условий получение предварительного согласия от мусульманского университета «ал-Азхар» и написание предисловия к роману мусульманским мыслителем Ахмадом Камалем Абд ал-Магдом.

² «Уважаемый господин» - рус. пер. Т.Деминной. Л., 1990.

³ *Ал-Махзанги Мухаммад*. Сны Нагиба Махфуза. Ахбар ал-адаб, 15.5.2005.

⁴ Там же.

⁵ Если закончатся сны..., закончится жизнь. Ахбар ал-адаб, 15.5.2005. В беседе с Махфузом участвовали Гал-Гитани, Наим Сабри, Заки Салим, Йусуф ал-Куайид, Магди Саад. Публикация Хасана Абд ал-Мавгуда.

⁶ *Заки Салим*. Вопрос жизни и смерти (Суал ал-хайат ва-л-маут). Ахбар ал-адаб, 11.12.2005.

⁷ Там же.

⁸ Великий джихад - духовное самосовершенствование. Такое истолкование понятие «великий джихад» получает в суфизме. См.: *Ибрагим Тауфик, Сагадеев А.В.* Ислам: энциклопедический словарь. М., 1991.

⁹ *Заки Салим*. Указ. соч.

ТЫСЯЧА ХОЛМОВ РУАНДЫ

Работа С.М.Шленской «Республика Руанда», вышедшая из печати в апреле 2012 г., - первое с 1974 г. полномасштабное исследование в российской африканистике, посвященное этой стране. Между тем, в эти годы исследовательского вакуума в Руанде произошли драматические события, радикально повлиявшие на последующее политическое и культурное развитие этого государства. Причины и обстоятельства политического противостояния середины 1990-х гг., а также последствия гражданской войны для населения Руанды все-сторонне освещаются автором в главе «История».

Этот раздел можно рассматривать как отдельное самостоятельное исследование, так как автор даёт представление об истоках острого этнополитического конфликта в районе Великих озёр, вылившегося в конце прошлого века в чудовищный геноцид, последствия которого ощущаются и до настоящего времени не только в самой Руанде, но и в соседних странах Африки. За сто дней геноцида в отношении «этнического меньшинства» *тутси* со стороны экстремистов-*хуту* (представителей численно доминирующей этнокультурной группы) было уничтожено порядка 800 тыс. человек. Эта глава охватывает все периоды исторического развития страны - от доколониального до современного - и заканчивается 2010 годом, когда президент Руанды Поль Кагаме был переизбран на второй срок. Удачно вплетены в

ткань повествования портреты наиболее заметных фигур руандийской истории.

Справочный характер исследования определил и структуру работы С.М.Шленской, содержащей все традиционные для такого

рода изданий разделы. Автор использует богатый фактический материал, что позволило ей передать объективную и целостную картину развития страны в различных сферах - экономики, политики, культуры. Источником фактических данных для справочника стали статистические материалы последних лет Руандийского института статистики и международных организаций, опубликованные в интернет-изданиях и прессе.

Публикация справочника символически совпала с годовщиной независимости Руанды, которая отмечалась в этом году. 1 июля 1962 г., в соответствии с

решением ООН о ликвидации опеки над Руандой-Урунди*, Бельгия предоставила независимость Руанде и Бурунди. За эти полвека страна прошла сложный путь становления и развития. Тем не менее, за минувшие после трагических событий 1994 г. 18 лет Руанде, как показывает автор справочника, удалось добиться определенных успехов и в создании стабильной внутривнутриполитической обстановки, и в развитии экономики, и в укреплении своего авторитета на международной арене.

Нельзя не отметить прекрасный язык, которым написана работа, что особенно наглядно продемонстрировано в «Физико-географической характеристике» Руанды - разделе, который в аналогичных справочных изданиях нередко читается с трудом. С.М.Шленской удалось сделать даже эту часть книги живой и интересной. Автор описывает географическое положение страны, геологическое строение и полезные ископаемые, рельеф, за который Руанду в туристических путеводителях называют «страной тысячи холмов», климат и почвы, дает характеристику растительному и животному миру, национальным паркам и заповедникам, в одном из которых - «Парке вулканов» - обитают представители одного из редчайших животных в мире - черной горной гориллы, сохранившиеся только в Руанде и в Уганде.

* Так называлась эта территория до 1962 г. (прим. ред.).